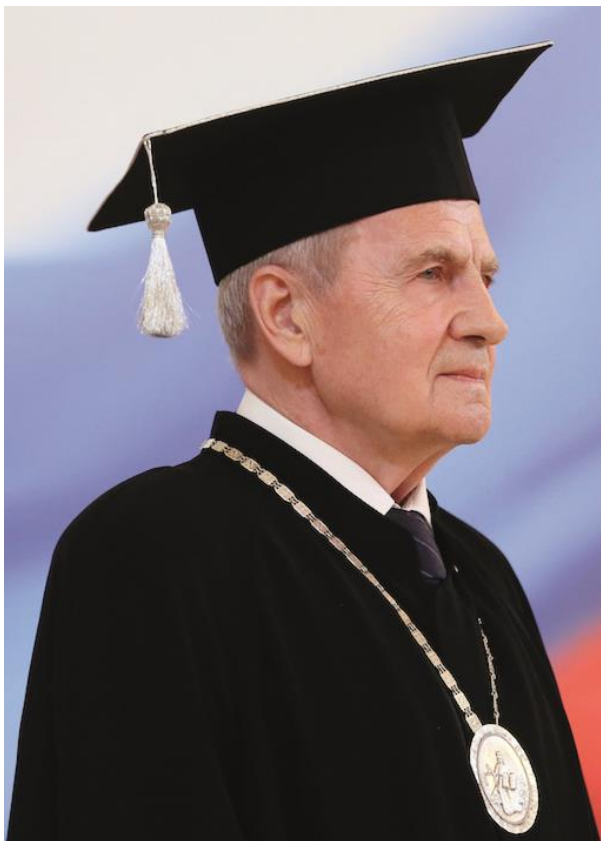

**КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ – 25 ЛЕТ**

**КОНСТИТУЦИЯ РФ – ПРАВОВАЯ ОСНОВА
ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

© 2018 г. В. Д. Зорькин

Конституционный Суд Российской Федерации, Санкт-Петербург

E-mail: vzor@ksrf.ru

Поступила в редакцию 23.08.2018 г.

Статья посвящена анализу роли Конституции РФ в создании и поддержании конституционно-правовых основ интеграции российского общества. Отмечается роль Конституции как важнейшего фактора обеспечения социально-политической стабильности и целостности Российского государства в период перехода страны от социализма к демократическому и правовому развитию, а также ее колоссальное значение для настоящего и будущего России.

В противовес постоянно звучащим предложениям о кардинальной конституционной реформе обосновывается необходимость и возможность развития того большого правового потенциала, который заложен в конституционном тексте. В центре внимания автора — проблемы, создающие наибольшую социальную напряженность, а также правовые пути снятия этой напряженности, связанные с защитой социальных прав граждан, преодоления

ем коррупции, укреплением конституционно-правовой идентичности россиян, развитием правосознания как широких слоев населения, так и правящей элиты.

Ключевые слова: право, Конституция, справедливость, общественное согласие, социальные права, коррупция, конституционная идентичность, правосознание.

DOI: 10.31857/S013207690002196-7

Российской Конституции — 25 лет. В масштабах мировой истории, где время измеряется веками, мы сделали лишь самый первый, размером в четверть века, шаг на пути развития конституционализма. Первый шаг — всегда не только самый трудный, но и самый важный. И если его направление было выбрано не совсем верно, то надо вовремя корректировать вектор движения. Вот почему нам необходим сейчас серьезный и откровенный разговор о Конституции, о ее роли в общественной и государственной жизни страны, о ее достоинствах и недостатках. Но такой разговор должен вестись очень ответственно, с полным осознанием того, что речь идет о документе, формирующем правовую базу для социального единства, без которого невозможно нормальное, эволюционное, поступательное развитие общества и государства. О документе, лежащем в основе не только конституционно-правовой, но и социокультурной идентичности нации и в этом смысле имеющем сакральный статус для массового сознания россиян. Поэтому, предвидя в преддверии юбилея очередной всплеск призывов к кардинальным конституционным реформам, хотел бы еще раз предостеречь всевозможных критиков Конституции (зачастую, что очень показательно, противоречащих друг другу) от безответственных заявлений и предложений.

Конечно, наша Конституция не идеальна хотя бы потому, что идеальных конституций, как известно, не бывает. Думаю, что можно в целом согласиться с тем, что к недостаткам Конституции РФ относятся “несбалансированное разделение властей, отсутствие надлежащей эффективно действующей системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях различных ветвей власти, раздвоение исполнительной власти (Президент, Правительство) в сочетании с независимостью Правительства от парламента, отсутствие необходимой ясности в распределении полномочий между Федерацией в целом и ее субъектами, отсутствие четкой иерархии источников действующего в стране права, неопределенность статуса прокурату-

ры.., внутренняя противоречивость негосударственной концепции местного самоуправления с фактическим наделением его государственно-правовыми полномочиями”¹. Но подобные недостатки вполне исправимы путем точечных изменений, а заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины “живой конституции” (*the living Constitution*). Опора на эту доктрину дает возможность, не искажая сути правового смысла, заложенного в текст Конституции, выявлять его актуальное значение в контексте современных социально-правовых реалий. Конституционный Суд РФ уже давно ориентируется на такой подход к толкованию Конституции. Нам надо и дальше идти по этому пути, стремясь глубже понимать, раскрывать и постоянно развивать правовой потенциал нашего Основного Закона.

Представления же о том, что путем конституционной реформы можно изменить ход событий и развернуть их в каком-то более правильном направлении, не просто опасны, поскольку чреваты резкой социально-политической дестабилизацией, но поверхностны и недалекновидны. Подобный юридический идеализм, приверженцы которого полагают, что можно изменить структуру жизни с помощью одних лишь юридических инструментов, убедительно раскритиковал еще К. Маркс применительно к сфере экономики. Но эта же логика действует и в социально-политической сфере, о чем уже в наши дни хорошо сказал А.И. Солженицын. “Сегодня, — писал он в преддверии принятия Конституции РФ, — у нас горячо обсуждается: какое государственное устройство нам отныне подходит, а какое нет, — а этим, мол, все и решится. <...> Но

¹ Нерсисянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Хрестоматия по конституционному праву: учеб. пособие: в 3 т. / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. Т. 1. История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции. СПб., 2012. С. 855.

сегодня воспрять — это не просто найти удобнейшую форму государственного строя и скороспешно сочинить к нему замечательную конституцию... Надо... не оказаться снова игрушкой заманных лозунгов и захлебчивых ораторов, не отдаться еще раз добровольно на посрамление. <...> Наши несравненные в 1916 году критики государственной системы — через несколько месяцев, в 1917, получив власть, оказались совсем не готовы к ней и все загубили. Ни из чего не следует, что новоприходящие теперь руководители окажутся сразу трезвы и прозорливы. <...> Если мы уже так дорого заплатили, если уж так сложилось, что мы оказались на том краю государственного спектра, где столь сильна центральная власть, — не следует нам спешить опрометчиво сдвигаться в хаос: анархия — это *первая* гибель, как нас научил 1917 год. <...> Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует”².

Пять лет назад, на празднованиях 20-летия Конституции РФ, я говорил о том, что наша Конституция в целом достойно прошла проверку практикой на очень крутом историческом переломе в жизни страны. Она предотвратила срыв России в анархию и хаос, обеспечила целостность Российского государства, предъявив стране новые фундаментальные правила жизни. Конституция стала базой для общественного согласия. Она четко и недвусмысленно определила демократические и правовые приоритеты развития России и задала вектор ее достойного вхождения в европейское и мировое правовое пространство. Но сейчас я хотел бы остановиться подробнее на тех моментах, в которых роль и значение Конституции проявляются наиболее актуальным образом. Внутри страны это — интегративная функция Конституции, выступающей в качестве важнейшего фактора обеспечения общественного согласия и основанной на нем социально-политической стабильности. А в наднациональном пространстве это — утверждение конституционной идентичности российской нации. И в том, и в другом случаях мы говорим об интеграции российского общества на базе общепризнанных (т.е. признанных и в России, и в мире) конституци-

онных принципов. При этом если внутри страны речь идет о поиске компромисса в трактовке этих принципов между носителями разных социальных интересов и приверженцами разных идеологических ориентаций, то в наднациональном контексте мы рассматриваем специфику правовой ментальности и соответствующую ей конституционно-правовую идентичность всего российского общества, обусловленную историческими и геополитическими особенностями развития России.

Конституция РФ как фактор достижения общественного согласия. Конституция РФ, принятая в период сложных, бурных и трагических событий начала 90-х годов прошлого века, смогла, несмотря на все трудности, заложить правовые основы и обозначить главные нормативные рамки для общественного согласия, закрепив такие объединяющие все общество принципы, как приоритет прав человека и верховенство правового закона, разделение властей, правовой, демократический, социальный и федеративный характер государства, равенство всех перед законом и судом и т.д. Наша Конституция сумела стать действенным фактором преодоления социально-политического раскола, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, грозящих дезинтегрировать общество и разрушить государственность, именно потому, что она является правовой не только по форме, но и по сути³. Ведь в ее основу заложены доктрина неотчуждаемых прав человека и принцип правового равенства, получивший конкретизацию и развитие в целом ряде конституционных положений.

Сказанное отнюдь не означает, что мы решили проблему общественного согласия. От создания правовых рамок для такого согласия, удерживающих общество от внеправовых способов решения конфликтов, до реального “общественного договора” — дистанция немалая. И нам еще предстоит ее пройти, причем в условиях весьма большой неопределенности, чреватой самыми разными проблемами и рисками. В этой связи важно понимать, что Конституция РФ — не просто итог социального компромисса, достигнутого на определенном историческом этапе. Если бы это было так, то на каждом новом этапе развития

² Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. URL: <http://rushist.com>...solzhenitsyn...nam-obustroit-rossiyu...>

³ См.: Зорькин В.Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5–16.

общества и государства могла возникать потребность в новом социальном компромиссе, т.е. в достаточно радикальных конституционных изменениях. Конституция содержит в своем тексте потенциал правовых преобразований, рассчитанный на обозримое историческое будущее страны. А это значит, что она позволяет в определенных пределах уточнять условия общественного компромисса применительно к меняющимся социальным реалиям, обеспечивая таким образом социально-политическую стабильность, необходимую для дальнейшего развития.

Но для этого надо уметь вовремя увидеть те болевые точки, в которых фокусируется социальная напряженность на данном этапе развития общества, найти способы, сгладить эту напряженность (в идеале — снять ее полностью) и облечь эти способы в надлежащие правовые формы. Полагаю, что не надо быть социологом, чтобы понимать, что в настоящее время главным источником напряжения в российском обществе является нерешенность социально-экономических проблем. Во всяком случае именно об этом свидетельствует постоянный рост обращений в Конституционный Суд, связанных с защитой социальных прав граждан. Да и социологи подтверждают, что ожидания и даже требования социальной справедливости выходят у населения на первый план и что несправедливости в разных областях жизни воспринимаются людьми «крайне болезненно»⁴. Социальное напряжение, порождаемое чувством несправедливости, усугубляется естественной усталостью населения от трех десятилетий реформ, а также беспрецедентным (и добавлю — неправовым, т.е. противоречащим нормам международного права) экономическим, и прежде всего санкционным, давлением на Россию со стороны США и Западной Европы.

Наиболее болезненно и остро воспринимается обществом крайне несправедливое распределение бремени проводимых в стране экономических реформ, свидетельством которого в первую очередь является чрезмерное социальное расслоение. Даже по данным официальной статистики, децильный коэффициент в России уже давно перевалил за

критический 10-кратный порог и приближается к 16 единицам, а по неофициальным сведениям, масштабы социального расслоения значительно выше и этого порога. В этой связи нельзя не отметить, что год назад мы отмечали столетие революционных событий 1917 г., которые, как сейчас ясно, были порождены прежде всего глубоким социально-экономическим расколом внутри российского общества⁵.

Беспокоит также информация о том, что значительная часть наших граждан (по данным исследования ИС РАН, проведенного в 2016 г., половина работающего населения страны) так или иначе находится вне действия трудового, пенсионного и социального законодательства Российской Федерации. При этом проблемы социальной защищенности в наибольшей степени затронули жителей «малой России», т.е. тех, кто проживает в селах, поселках городского типа, малых — до 100 тыс. жителей — городах. С учетом полученных данных социологи говорят о том, что «задачи перестройки отечественной экономики, преодоления характерных для нее текущих кризисных явлений доморощенные работодатели (а вместе с ними и так называемые эффективные менеджеры) стремятся решать за счет работников — путем наращивания объемов их трудовых нагрузок с одновременным снижением их социальной защищенности»⁶. Тревожит и высокий процент так называемых «работающих бедных», а также то обстоятельство, что самая массовая группа бедных — это семьи с детьми⁷. Да и в целом приходится

⁵ См., напр.: Кроткова Н.В. Государство и революция. К 100-летию Великого Октября (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2017. № 10, 11, 12.

⁶ Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития // Социс. 2017. № 1. С. 8. В этой связи директор Института социологии РАН фиксирует «системное изменение взаимоотношений работников и работодателей со смещением акцента в этих отношениях в сторону углубления бесправного положения работающих. <...> Это относится главным образом к отказу оплачивать сверхурочные работы, больничные листы и декретные отпуска, к сверхустановленному законодательством увеличению продолжительности рабочей недели, административному принуждению к уходу в неоплачиваемый отпуск, сокращению выплаты «белой» зарплаты» (см.: там же).

⁷ См.: Интервью журналиста «Лента.ру» с заведующей лабораторией Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС Е. Гришиной. URL: <http://news.rambler.ru/community/39643116-bednyh-rossiyan-stanovitsya-vse-bolshe/>

⁴ Белановский С., Никольская А. Тренды общественного мнения в отношении экономических реформ. Социологическое исследование методом фокус-групп. URL: <http://docplayer.ru...Trendy...v...ekonomicheskikhreform.html>

признать, что по таким принятым в международной практике показателям уровня жизни, как прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда и индекс развития человеческого потенциала, “разрыв между правовыми предписаниями, характеризующими те или иные аспекты социальной справедливости, и фактическими показателями, видимо, не должен быть столь существенным”⁸.

В настоящее время проблема социальной поляризации приобретает еще большую остроту в свете грядущих социальных последствий масштабной автоматизации, роботизации и компьютеризации производства. Нельзя недооценивать то обстоятельство, что миллионы людей могут потерять работу, а с ней — не только материальное благополучие, но и социально-правовой статус, свои позиции как участников социального контракта, возможности доступа к социальной политике государства через системы страхования социальных рисков, ресурсы влияния на социально-политическую ситуацию в стране и мире и т.д.

Все это говорит о том, что мы еще далеки от реализации положений ст. 7 Конституции РФ, которая гласит: “Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека”. В этой связи должен заметить, что закрепленные здесь такие ключевые для конституционного правопонимания понятия, как “достойная жизнь” и “свободное развитие человека”, еще не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления.

Конституционный Суд РФ видит свой вклад в решение этой общей проблемы в последовательной защите социально-экономических прав граждан, особенно тех слоев населения, которые оказались отрезаны от процессов приватизации социалистической собственности. Поскольку соответствующие правовые позиции Конституционного Суда имеют важное значение для формирования отечественной доктрины социальных прав, хочу в очередной раз подчеркнуть, что под защитой таких прав Суд понимает не государ-

ственную благотворительность, продиктованную соображениями политической целесообразности или морального характера, а реализацию ст. 1 Конституции РФ, согласно которой Россия является демократическим и правовым государством, и ст. 7, закрепляющей конституционные ориентиры социальной политики государства. Поэтому Конституционный Суд РФ стремится обеспечивать путем соответствующих компенсационных механизмов наиболее слабым членам общества равенство стартовых возможностей в реализации ими своих основных прав и свобод. Данная трактовка социальных прав не означает снижения значимости таких традиционных “либеральных” прав, как личные и политические права. Не означает она и недооценку значения конституционно-правовой защиты ценностей частной собственности и экономической свободы.

Здесь важно отметить, что при всех издержках становления института частной собственности в постсоветской России сформировавшееся в итоге право частной собственности есть важнейшее достижение осуществленных в стране преобразований и основа для ее последующего правового развития. Дело не только в том, что частная собственность — это основа свободного предпринимательства. Собственность — это единственно возможная основа для свободы и права. Там, где полностью отрицается право индивидуальной собственности на средства производства, там невозможны свобода и право. Поэтому перед Конституционным Судом РФ стоит весьма непростая задача поиска оптимального баланса между защитой социальных прав тех слоев населения, которые лишены частной собственности, и обеспечением надлежащих гарантий права частной собственности как важнейшего условия нормального правового развития страны. В этом смысле можно сказать, что, проверяя конституционность законодательства в социально-экономической сфере, Конституционный Суд каждый раз ищет разумный баланс и соразмерность между гарантией частной собственности, с одной стороны, и защитой социальных прав населения — с другой, выполняя таким образом роль своего рода “социального арбитра”.

Подобные проблемы — один из аспектов более широкой проблематики, связанной с поиском оптимального соотношения между соци-

⁸ Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении // Труды ИГП РАН. 2016. № 5. С. 80.

альной справедливостью и индивидуальной свободой. Хочу обратить внимание на то обстоятельство, что усилия Конституционного Суда по решению конкретных проблем, связанных с социальной интеграцией российского общества, всегда так или иначе связаны с развитием понимания права как главного инструмента социальной интеграции, выработанного человечеством. Опыт работы Суда в данном направлении позволяет, как представляется, сделать вывод о том, что нам нужна сейчас такая корректировка доминирующего в мировой теории и практике либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию, которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма, т.е. нужна правовая теория, синтезирующая в рамках понятия права идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности. Полагаю, что именно такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию. В этой связи хотелось бы напомнить, что для русской философии конца XIX — начала XX в. (с ее учениями о соборности, всеединстве, всечеловечности и т.д.) было характерно стремление соединить идею абстрактного, обезличенного формально-правового равенства с идущей от раннего христианства идеей ответственности каждого не только за себя, но и за других, — стремление, как говорят специалисты, согласовать в рамках понятия права разум и дух, свободу и милосердие, право и правду, индивидуальное и социальные начала. Надеюсь, что эти достижения русской философии права будут востребованы нашей юридической теорией и практикой. Это позволит нам освободиться от представлений о солидаризме как об идеологии авторитарного типа и на новом уровне возродить в России солидаристское мировоззрение, которое все еще остается погребенным под обломками социализма.

Справедливости ради надо отметить, что проблема роста социальной поляризации, порождающая такое неравенство возможностей людей, которое приобретает застойные формы, имеет общемировой характер⁹. Это беда общепланетарного масштаба и, по мнению специалистов,

“уже сейчас очевидно, что по мере нарастания неравенства на национальном и глобальном уровне вопросы справедливости устройства современного мира будут ставиться во все более острой форме”¹⁰. Однако особенность России заключается в том, что нынешнее российское общество уже достаточно хорошо осознает связь между социально-экономическими проблемами, стоящими перед значительной частью наших сограждан, и несправедливостью приватизации крупной собственности, проведенной в стране в 90-е годы прошлого века. А это не только ставит под сомнение легитимность сложившейся системы собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями и рисками, но и ведет к подрыву общественного доверия к справедливости социального устройства в целом. Между тем, как хорошо сказал известный американский философ Д. Ролз, “справедливость — это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина — первая добродетель систем мысли”¹¹.

И если эта важнейшая добродетель нарушена, то социальные, и прежде всего политико-правовые, институты не могут функционировать в достаточно эффективном режиме. Поэтому вопрос о соотношении справедливости и правовой демократии в сложившейся ситуации приобретает особую актуальность. К сожалению, наше обществоведение не проявляет надлежащего интереса к этой теме. Однако и те немногие исследования, которые есть, дают пищу для серьезных размышлений.

В частности, обращает на себя внимание следующий вывод, перекликающийся с процитированным в начале статьи высказыванием А.И. Солженицына из его известной работы “Как нам обустроить Россию”. Сегодня, подчеркивает один из авторов немногочисленных исследований по проблеме соотношения справедливости и демократии, речь должна идти «не столько о перестройке, радикальной трансформации общественно-политической системы в сторону ее либерализации и демократизации, сколько о “достройке” традиционного для Рос-

⁹ Данная проблематика глубоко разработана, в частности, в трудах таких известных экономистов, как Д. Стиглиц, Т. Пикетти и др. (см., напр.: *Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему.* М., 2015; *Пикетти Т. Капитал в XXI веке.* М., 2015).

¹⁰ Мансуров В.А., Черныш М.Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости. М. — Екатеринбург, 2016. С. 34.

¹¹ Ролз Д. Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев; пер. с англ. В.В. Целищева при участии В.Н. Карповича и А.А. Шевченко. Новосибирск, 1995. С. 19.

сии института сильного государства и персонализированной модели власти реальными (а не имитационными) структурами демократии и гражданского общества. <...> Реальная демократизация политической системы должна осуществляться в первую очередь на местном (локальном) уровне и лишь постепенно “проникать” на уровень “большой политики”¹². Такой осторожный, взвешенный подход к проблеме представляется конструктивным и плодотворным, поскольку, не отрицая важности дальнейшего демократического развития страны, он фиксирует необходимость постепенного продвижения снизу вверх — от малой политики муниципального уровня к так называемой “большой политике” государства в целом. Показательно, что к подобным выводам приходят и авторы весьма интересного социологического исследования, проведенного по методу фокус-групп. Отмечая, что характерной особенностью нынешнего этапа постсоветского развития страны является отказ общества от доминировавших до этого представлений о том, что “сильный правитель, опирающийся на легистскую философию, наведет порядок и устранил всякую несправедливость”¹³, они связывают пути построения более справедливого общества с развитием самоуправления муниципалитетов¹⁴.

Однако при всей значимости формирования у российских граждан навыков общественной активности на уровне местного самоуправления нельзя недооценивать то обстоятельство, что гарантированные Конституцией экономическая свобода и экономическая конкуренция в своем логическом развертывании дополняются политической свободой и политической конкуренцией, основанной на принципе политического плюрализма. Общность взглядов, целей, ценностей и интересов в политической жизни приводит к образованию различных политических объединений, которые со временем оформляют-

ся в политические партии. Этот процесс должен протекать таким образом, чтобы в итоге государственная власть фактически не оказалась бы монополизирована какой-либо одной партией, группой, организацией и стоящими за ними силами. Поэтому необходимо, чтобы у оппозиции была реальная возможность прихода к власти в рамках Конституции, т.е. на началах честной политической конкуренции.

При этом надо понимать, что само по себе наличие нескольких или даже многих партий еще не гарантирует устойчивой правовой демократии. Требуются достаточная стабильность плюралистической системы, консолидация социальных сил и движений на основе конституционно-правовых ценностей, предотвращение резких кренов в сторону правого и левого радикализма. В организационном плане реальная демократия наиболее эффективным образом обеспечивается двухпартийной (двухблоковой) системой, позволяющей сформировать политическую волю основных социально-политических сил как в элитах, так и в массах. Конкуренция этих сил в парадигме “правлящее большинство — парламентская оппозиция” предотвратит политическую систему от застоя и загнивания, создаст “проветривание политических легких” государственного организма, позволит обеспечить не только “слушаемость”, но и “слышимость” со стороны власть имущих. Предвижу, что меня могут упрекнуть в конструировании искусственных теоретических схем, оторванных от “живой” практики. Между тем именно по таким “схемам-чертежам” создавалась двухпартийная система США (как и вся их конституционная политическая система). Поэтому могу только еще раз повторить: нет ничего практичнее хорошей теории. Не зазорно и заимствовать чужой опыт, поскольку, к сожалению, не мы изобрели и внедрили эту “теоретическую схему”, выдержавшую проверку многовековой практикой, хотя нельзя не учитывать и тот факт, что нынешняя модель либеральной представительной демократии уже не справляется с современными вызовами. Поэтому необходим поиск новой, эффективной модели народовластия, причем общего для всех рецепта здесь нет¹⁵.

¹² Канарш Г.Ю. Справедливость и демократия. Российский контекст // Философские науки. 2015. № 12. С. 53.

¹³ Белановский С., Никольская А. Указ. соч.

¹⁴ “В 90-е годы, — пишут они, — вопрос о самоуправлении малых и средних городов не находил понимания и воспринимался почти с ужасом (один из авторов лично проводил фокус-группы). Если изменения в локусе контроля и готовности к переменам действительно происходят, целесообразно вернуться к этому вопросу хотя бы на уровне научных исследований. Необходима радикально иная концепция развития государства (не та, что принята сегодня властью). Возможный вариант — передача полномочий в муниципалитеты” (см.: там же).

¹⁵ Так, по мнению американского социолога Б. Барбера, даже по западным меркам существуют различные демократические практики. например, Швейцария вырабатала коммунальное и коллективистское понятие свободы, согласно которому свобода коммуны всегда была превыше прав частной собственности. В отличие от этого англо-американское понятие свободы во главу угла ставит личные и частные права.

Впрочем, не претендуя на научный анализ этой исключительно сложной темы, хочу лишь подчеркнуть, что проблема социальной справедливости в ее связи с проблемой демократии требует сейчас особого внимания со стороны как научного сообщества, так и всех ветвей власти. Без надлежащего решения этой проблемы на уровне юридической теории и практики невозможно в должной мере реализовать правовой потенциал нашей Конституции.

По-прежнему актуальной и весьма болезненной для общества остается проблема коррупции, которая (как показали трагические события в Кемерово) уже приобрела опасный для жизни людей характер. Несмотря на осознание и властью, и обществом масштабов и значения данной проблемы, в этой области использованы далеко не все имеющиеся резервы. В частности, считаю необходимым еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что ст. 20 “Незаконное обогащение” Конвенции ООН против коррупции до сих пор не стала частью российской правовой системы под предлогом того, что она не вписывается в действующее российское законодательство. А между тем в нашей Конституции нет ничего, что препятствовало бы имплементации положений этой статьи. Напомню, что коррупция в переводе с латыни — это порча, разрушение, разложение. В данном случае речь идет о разложении институтов власти, что чревато разрушением той системы общественных отношений, на которую даная власть распространяется. Поэтому борьба с коррупцией — это жизненно важный для нашего общества вопрос, без решения которого невозможно достичь искомого общественного согласия.

Завершая краткий (и, конечно же, далеко не полный) анализ значения Конституции РФ для интеграции российского социума, хочу обратить внимание на высказывание директора Института социологии РАН М.К. Горшкова о том, что одним из наиболее значимых ресурсов сплочения нашего общества является гражданская идентичность, которая “вносит важный вклад в укрепление уверенности людей в завтрашнем дне, находит подтверждение в массовом сознании россиян”¹⁶. Полагаю, что основу гражданской идентичности человека, связанной с ощущением им принадлежности к “многона-

циональному народу, соединенному, — как сказано в преамбуле Конституции РФ, — общей судьбой на своей земле”, составляет конституционная идентичность. Об этом я и хотел бы поговорить далее.

Конституционная идентичность. Явно выражаемое в последние годы стремление разных государств к осмыслению и отстаиванию своей конституционно-правовой идентичности в конечном счете обусловлено, как и большинство современных политико-правовых трендов, глобализацией, приведшей к тектоническим сдвигам всей системы мироустройства. Эти сдвиги и порожденные ими изменения несут в себе не только благо, но также огромные риски и уже вполне очевидные издержки, которые (хотя и в разной степени) касаются рядовых людей во всех регионах мира. Отсюда и желание противопоставить стихийным процессам социокультурной глобализации понимание собственной специфики, не поддающейся универсализации. На уровне массового сознания это проявляется в стремлении сформулировать свою религиозную, национальную или региональную (например, европейскую) идентичность, возродить традиционные ценности и т.д. А на уровне органов государственной власти — в стремлении предотвратить размывание национально-государственного суверенитета и утвердить конституционно-правовую идентичность государства.

На риски и издержки глобализации накладывается недовольство граждан национальных государств экспансией наднационального регулирования, демократический дефицит которого становится все более очевидным. Особо следует выделить проблему демократического дефицита наднациональных органов по защите прав человека, в том числе и Европейского Суда по правам человека. С момента вступления в силу Дополнительного протокола № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ получил все формальные возможности для того, чтобы целенаправленно изменять конвенционную систему и более свободно воплощать в жизнь свою активистскую позицию. При этом влияние граждан европейских государств на сам Суд практически сведено к минимуму, что, с одной стороны, позволяет обеспечить независимость данного органа, но, с другой — делает его оторванным от реальных социальных по-

¹⁶ Горшков М.К. Указ. соч. С. 9.

требностей и от реального консенсуса, который имеет место на уровне национальных государств.

Все это порождает необходимость создания определенных контрлимитов (как называет подобные правовые инструменты Конституционный суд Италии), которые не давали бы наднациональному юрисдикционному органу шагнуть в своей активистской деятельности слишком далеко. У ЕСПЧ имеется хорошо разработанная, но от этого не становящаяся менее противоречивой доктрина пределов усмотрения. Однако национальные государства обладают (и это прямо следует из их конституций) своими пределами уступчивости, которые очерчиваются их пониманием национальной конституционной идентичности.

Понятие конституционной идентичности в российской конституционно-правовой практике впервые было использовано в постановлениях Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П и от 19 апреля 2016 г. № 12-П в связи с вопросом о возможности исполнения постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу “Анчугов и Гладков против России”, в котором утверждалось, что норма российской Конституции (ч. 3 ст. 32), запрещающая участие в выборах для лиц, содержащихся в местах лишения свободы, не соответствует Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако теоретические подходы к этой проблеме начали формироваться значительно раньше: толчком здесь послужило известное дело “Маркин против России”.

Несомненное влияние на разработку соответствующей доктрины оказала зарубежная правовая практика, которая уже довольно активно применяет данное понятие. Концепцию или идею конституционной идентичности в той или иной мере используют органы конституционного контроля по всему миру для обоснования наиболее сложных решений. При этом они часто исходят из того, что именно писаная конституция есть квинтэссенция конституционной идентичности нации. Например, Федеральный конституционный суд ФРГ отмечал в своих решениях, что в Основном законе страны существуют такие положения, которые выражают фундаментальные основы немецкого государства и которые не могут быть изменены. А Верховный суд Индии в деле *Minerva Mills Ltd. v Union*

of India прямо сказал, что “Конституция — это драгоценное наследие, идентичность которого невозможно изменить”.

Особо следует выделить здесь Ирландию, Конституция которой помещает ценности семьи и католицизм в центр конституционной идентичности государства. Именно по этим вопросам существует длительная и весьма противоречивая практика ЕСПЧ против Ирландии, где до сих пор регулирование аборт остается самым строгим среди государств Совета Европы. При этом ЕСПЧ отказывается окончательно признать ирландское регулирование и основанную на нем правоприменительную практику не соответствующими Европейской конвенции. Не означает ли этот пример Ирландии, что ЕСПЧ отчасти признает существование конституционной идентичности государств, в которую он не может вмешиваться?

В данном контексте особенно непонятным и сомнительным с точки зрения последовательности прецедентной практики ЕСПЧ выглядит его нежелание принять во внимание особенности Российской Конституции, в частности то обстоятельство, что конституционная норма, признанная не соответствующей Европейской конвенции, не может быть пересмотрена федеральным законодателем. Я имею в виду нормы ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, согласно которой лица, содержащиеся в местах лишения свободы, не обладают избирательными правами. По нашей Конституции пересмотр этой нормы, относящейся ко второй главе, возможен лишь в результате принятия новой Конституции страны. Расчет же на то, что подобный конфликт может быть решен за счет активистского толкования нормы Конституционным Судом (чего, собственно, и ожидали от нас судьи ЕСПЧ), явно не соответствовал возможностям конституционного правосудия. Дело в том, что национальные органы конституционного контроля не обладают той степенью свободы в толковании Конституции, которую позволяют себе судьи ЕСПЧ в своем толковании абстрактных положений Европейской конвенции. Эволютивное толкование Конвенции Европейским Судом, по сути, направлено на создание нового унифицированного европейского правопорядка. А национальная конституционная юстиция более тесно связана

текстом Конституции, являющейся итогом исторически обусловленного национального консенсуса, выражающего конституционную идентичность российских граждан. Конституционный Суд не может выйти за пределы толкования, установленные как самой Конституцией, так и сложившимися внутри общества конвенциями, лежащими в основе конституционной идентичности народа.

Если согласиться с тем, что конституционная идентичность отражает результат общественного согласия граждан государства по вопросам понимания прав человека, т.е., по сути, по вопросам, связанным с пониманием того, что есть человек и в чем состоит его человеческое достоинство, то тогда надо признать следующее: 1) общественное согласие в вопросе о правах человека в различных государствах имеет социокультурную специфику, и 2) это именно *общественное* согласие, которое устанавливается большинством общества и устанавливается для большинства.

Я вовсе не имею в виду, что теория конституционной идентичности ориентирована лишь на защиту прав большинства. Но хочу подчеркнуть, что права меньшинств могут быть защищены в той мере, в какой большинство с этим согласно. Нельзя навязывать обществу законодательную нормативность, отрицающую или ставящую под сомнение базовые ценности общего блага, разделяемые большинством населения страны. Слово “нельзя” имеет здесь разные оттенки. Во-первых, просто невозможно в течение сколько-нибудь длительного времени удерживать разрывы между естественными социальными ощущениями благого, должного и справедливого и правовой нормативностью. А во-вторых, это, как правило, неверно и по сути, поскольку именно позиция большинства выражает народную ментальность со всей ее социокультурной спецификой в подходах к решению этических вопросов, связанных с различением добра и зла. Поэтому важно понять, что именно в этой позиции большинство имеет глубокие культурные корни, которые нельзя бездумно и безответственно подрывать, а что может быть подкорректировано путем совершенствования народного правосознания.

И если “продвинутая” в правовом отношении часть общества полагает, что большинство недостаточно делает для защиты прав

меньшинств или достоинства личности, то она (эта “продвинутая” часть) должна найти способы словом и делом убедить большинство в необходимости совершенствования его правового сознания. Это — сложная работа, не рассчитанная на быстрый успех. Но другого пути, к сожалению, нет, потому что попытка навязать тому или иному обществу не свойственные ему представления о достоинстве человека и правах тех или иных меньшинств может быть эффективна лишь в весьма ограниченных пределах. И это относится не только к России. Ведь нынешний всплеск популизма на Западе в значительной степени обусловлен недооценкой мнения большинства и ущемлением его прав. Доктрина конституционной идентичности, над которой всем нам еще предстоит много работать, может служить тем “водоразделом”, который потенциально способен отделить приемлемые и подчас желанные изменения внутреннего конституционного правопорядка, инспирированные, например, наднациональным органом по защите прав человека, и те принципы, которыми государства, признавшие обязательную юрисдикцию подобных органов, поступиться не могут.

В заключение хотел бы отметить, что глубинную основу интеграции любого социума составляет правовое сознание его членов — всех вместе и каждого в отдельности. Если право является основой интеграции в рамках соционормативной системы, то правовое сознание выступает главным объединительным фактором на уровне общественного сознания. Ведь правосознание общества — это система тех структур социальной ментальности, в которых различные социальные, конфессиональные, национальные и иные интересы, разные идеологические и морально-нравственные установки находят точки своего соприкосновения. Как очень верно замечено, “народы и государства держатся только правосознанием своих граждан и своих правителей. И от воспитания его зависит вся будущность России”¹⁷.

Важнейшую роль в деле воспитания правосознания рядовых граждан и правящей элиты должны играть социо-гуманитарные науки, и

¹⁷ Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. С. 306.

прежде всего юриспруденция¹⁸, работающая на стыке с философией, социологией, социальной психологией и т.д. Такого комплексного, междисциплинарного подхода к изучению правового сознания современного российского общества у нас пока, к сожалению, нет. Исследования юристов в данной области нередко не идут дальше и глубже общих рассуждений (в той или иной мере подкрепленных соответствующими эмпирическими фактами) о низком уровне правосознания и правовой культуры, о правовом нигилизме и правовом инфантилизме россиян и т.д. В этой связи хотел бы напомнить о том, на каком глубоком научном уровне разрабатывалась данная проблематика в рамках философско-правовых исследований начала XX в. России, а также в первой половине прошлого века — в русском зарубежье.

Особого внимания заслуживают суждения по данной проблематике двух выдающихся русских философов права — Н.А. Бердяева и И.А. Ильина. Несмотря на внешнюю схожесть биографий этих мыслителей (оба были представителями знатных дворянских родов, резко отрицали теорию и практику большевизма, вместе высланы из страны на знаменитом “философском пароходе”, пережили разрыв с родиной как личную трагедию и сохранили с ней духовную связь в эмиграции), их взгляды на историю России, на ее прошлое, настоящее и будущее, на фундаментальные основы российской ментальности и т.д. существенно расходятся. Оставляя специалистам анализ сути этих расхождений¹⁹, вылившихся в свое время в резкую публичную дискуссию, хотел бы выделить то, что в их учениях представляется наиболее значимым для осмысления особенностей современного российского правосознания.

Прежде всего это глубоко верные суждения, я бы даже сказал — гениальные прозре-

ния, Н.А. Бердяева о внутренней противоречивости (“загадочной антиномичности”, как говорил сам автор) русского национального характера, порождающего известные крайности русской жизни. Можно, по-видимому, согласиться со специалистами, считающими, что подобная внутренняя противоречивость присуща и философии права самого Бердяева как очень русского по своему мироощущению автора. Но нельзя не признать глубину его анализа, когда он предлагает свой ответ на вопрос о том, “почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?”²⁰.

Ответить на этот вопрос, по мнению Н.А. Бердяева, можно, лишь раскрыв ту “тайну русского духа”, которая в немалой степени предопределяет историческую судьбу России. “Дух этот, — писал он, — устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем; к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Но в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И потому... для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем”²¹. Думаю, что именно отсутствие дара создания средней культуры, о котором говорит Бердяев, лишает общественную жизнь России той надежной середины, той опоры, без которой страна не может взять правовой барьер. В постсоветский период эти идеи Н.А. Бердяева получили развитие в ряде интересных и глубоких философских исследований, однако специалисты в области философии права, на мой взгляд, пока что не уделяют им должного внимания. А между тем право по сути своей — это элемент срединной культуры: оно противостоит крайностям не только властного произвола, но и любви, альтруизма, самопожертвования и т.д. Право требует от человека не служения и героизма, а всего лишь признания равной свободы другого человека. В этом смысле право рассчитано на обычного, среднего человека, готового к поиску компромисса и согласия. А в социальной плоскости право рассчитано на средний класс, который в современном обществе и яв-

¹⁸ “Народное правосознание, — писал он, — может стоять на высоте только там, где на высоте стоит юридическая наука. Там, где юриспруденция непредметна и пристрастна или, еще хуже, невежественна и продажна, там вырождается самая сердцевина правового мышления и быстро утрачивается уважение к праву” (см.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания. URL: <http://lektsia.com>6x3783.html>).

¹⁹ См.: *Бердин А.Т.* К вопросу о полемике И.А. Ильина и П.Б. Струве с Н.А. Бердяевым. URL: <http://5fan.ru>wiewjob.php?id=68554>

²⁰ *Бердяев Н.А.* Судьба России. О “вечно-бабьем” в русской душе. URL: <http://litmir.me>br/?b=39374&p=9>

²¹ Там же.

ляется его главной опорой. Та ситуация, в которой оказался средний класс в современном российском обществе, резко поляризованном по своим социально-экономическим параметрам, придает идеям Н.А. Бердяева еще большую актуальность.

В работах И.А. Ильина, значимых для осмысления особенностей российского правосознания, я в первую очередь выделил бы его концепцию “органической демократии”. Отрицая, с одной стороны, тоталитаризм, а с другой — так называемую “формальную демократию”, которая “с ее внутренними пустотами, ошибками и соблазнами и привела к левому и правому тоталитаризму”²², И.А. Ильин предостерегал от увлечения лишь формальной стороной демократии, которая не гарантирует “ни от всеобщей продажности..., ни от эксплуатации плутами слабых, добрых..., ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма”²³. Она может даже привести к гибели государства, если не решает задачу качества элиты: “Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (то есть выделяет кверху лучших людей)...”²⁴. Будущее постсоветское государство И.А. Ильин представлял как форму порядка и жизни, принятую “волевым правосознанием” большинства граждан, под которым он понимает “свободную лояльность”, т.е. осознанную добровольность в соблюдении гражданами законов “за совесть”. Авторитет государственной формы, подчеркивал он, может быть крепок только тогда, когда он принят народом в порядке добровольного признания, уважения и доверия.

Отмечая, что нет какой-то единой, общей для всех государственной формы, наилучшей для всех времен и народов, И.А. Ильин очень верно,

на мой взгляд, выделял те особенности исторического и геополитического развития России, которые повлияли на правовое сознание россиян в части их отношения к государству. “Ни один народ в мире, — писал он, — не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. <...> Первое наше бремя есть бремя земли — необъятного, непокорного, разбегающегося пространства. <...> Второе наше бремя есть бремя природы. <...> Эта почва, — скудная там, где леса дают оборону, и благодатная там, где голая степь открыта для набега... Эти богатства, сокрытые в глубине и не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст замирение и безопасность... и т.д. <...> И третье наше бремя есть бремя народности. <...> До ста восьмидесяти различных племен и наречий. <...> Надо было создать духовную, культурную и правовую родину для всего этого разноголосого человеческого моря; всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство”²⁵.

Об этих геополитических особенностях России жизнь заставляет нас вспоминать снова и снова. Сильная власть необходима России ввиду геополитического фактора, почти перманентного внешнеполитического напряжения во взаимоотношениях с рядом западных держав. Но не менее актуально звучит сейчас и другая мысль И.А. Ильина. Восстановить Россию после эпохи революций, войн и коммунистической диктатуры “можно только исходя из духа справедливости и служа ему. А для этого необходимо прежде всего необманно уверить русский народ, что новый послереволюционный порядок — искренне хочет и практически ищет справедливости”²⁶.

²² Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. С. 189.

²³ Ильин И.А. Предпосылки творческой демократии // Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. Соч. М., 2006. С. 34.

²⁴ Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. С. 289.

²⁵ Ильин И.А. О России. Три речи. URL: <http://profilib.net/chtenie/18606/ivan-ilin-o-rossii-tri...>

²⁶ Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. С. 313.

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION – THE LEGAL BASIS THE INTEGRATION OF RUSSIAN COMPANIES

© 2018 V. D. Zorkin

Constitutional Court of the Russian Federation, St. Petersburg

E-mail: vzor@ksrf.ru

Received 23.08.2018

The article analyzes the role of the Constitution of the Russian Federation in the creation and maintenance of the constitutional and legal basis for the integration of Russian society. The role of the Constitution as the most important factor in ensuring the socio-political stability and integrity of the Russian state during the country's transition from socialism to democratic and legal development, as well as its enormous importance for the present and future of Russia. In contrast to the constantly sounding proposals for fundamental constitutional reform, the necessity and possibility of developing the great legal potential laid down in the constitutional text is justified. The author focuses on the problems that create the greatest social tension, as well as legal ways to remove this tension related to the protection of social rights of citizens, overcoming corruption, strengthening the constitutional and legal identity of Russians, the development of legal awareness of both the General population and the ruling elite.

Key words: law, Constitution, justice, public consent, social rights, corruption, constitutional identity, legal consciousness.